

ником, кривоватыми приземистыми акациями, рошицами дерева мопане, всегда сохраняющего удивительную в этой суши яркость сочной листы. Но на самом деле тут, между грядами невысоких выветренных скал, виднеющихся тут и там, в точности все так и было всегда, за тысячи лет до первого белого фермера, до первой проволоочной изгороди, до нас, до нашего бегства сюда из зимней Москвы, до нашего здорового жестяного ящика с окнами и люками в крыше, поставленного на шасси трехосного грузовика, прыгающего по гравии, до разговора, который мы слушаем через раздвижное окошко между нашим пассажирским отсеком и кабиной, где тощий Долфин дразнит толстого Мозеса.

— У нас, у гереро, от наших коров всегда есть молоко, а из молока масло, — Долфин откидывает назад голову, чтобы нам было лучше слышно через окошко за его спиной. — И это не простое молоко, не обыкновенное масло, потому что наши коровы знают, что где пощипать, чего пожевать, чем поживиться. Они такое находят в буше, что молоко потом лечит от всех болезней. И мы от чего хотите можем вылечиться нашим молоком и маслом. Это лучше любого лекарства. А у овамбо на все болезни есть одно дерево мопане. Вы видели листок дерева мопане, мадам? Он похож на бабочку с продолговатыми крылышками. И вот люди овамбо отрывают правое крылышко, скатывают в шарик, глотают и говорят, что оно лечит от поноса. А левое крылышко — от запора. Правда, Мозес? От насморка — кора мопане. А если болят зубы — надо отломать веточку мопане и пожевать. Мозес, ты жуешь по утрам веточку мопане?

Мозес сопит, вертит головой, а потом начинает с преувеличенным интересом вглядываться в большую вывеску на сетчатом заборе у обочины, приближающуюся к нам справа. Всем своим видом он демонстрирует, что эти долфиновские издевательства его совершенно не трогают. Он вчитывается в черные и красные буквы на большом желтоватом плакате: «Здесь настоящий фермерский билтонг. Свежий! Острый!». Наконец он оборачивается в Долфину и открывает рот, чтобы что-то сказать.

— Да я знаю, Мозес, — опережает его Долфин. — Я и сам знаю, что тут. Я и вез сюда с самого начала. Вот туда, куда ты хотел сворачивать, и про что ты говорил мадам всякую ерунду, — это была не та ферма. И там совсем не стоящий билтонг. Я там никогда не покупаю. А тут — другое дело. Совсем другое дело. Поэтому я сразу знал, что заехать надо сюда. Потому что мы, гереро, я же говорил вам, мадам, понимаем в коровах, в мясе и в билтонге. А овамбо ничего, кроме микстуры из листьев мопане, нельзя доверять.

Мы сворачиваем на узкую колею в буше справа и, попетляв чуть-чуть среди густых кустов и акаций, оказываемся на засыпанной гравием площадке перед навесом. Под высокой двускатной крышей укреплен решетчатый, а с нее свисают тысячи завернутых в тонкую пленку упаковок билтонга разных оттенков: от светлого-серого с легкими розовыми прожилками — через множество красных, бордовых, медных, каштановых, коричневых тонов — до совершенно черного.

Выходит хозяин — вежливый немецкий фермер в бежевом комбинезоне — и вступает с Долфином в переговоры.

Связки и гирлянды разносортной вяленой «жеванины» висят тут не кое-как: они аккуратно размечены по ароматам, по жесткости

выдержки, а еще — по происхождению мяса. В последнее время здесь все больше экспериментов с дичью — мясом зебры, орикса, куду и прочих обитателей саванны. Продавец подробно рассказывает Долфину о наших предпочтениях, потом деловито, сосредоточенно ощупывает десяток разных связок, надавливает пальцем тут и там, отрезает в паре мест тонкие ломтики на пробу — и наконец выдергивает несколько экземпляров, которые предназначены именно нам.

Пока Долфин торгуется и изображает из себя знатока, Мозес в сторонке устраивает нам небольшую лекцию о том, как и из чего получается правильный билтонг. Хорошую говядину совсем без жира сначала разделяют по естественным очертаниям мышц, а затем нарезают вдоль волокон длинными ремнями. Несколько раз попеременно вымачивают в маринаде из темного уксуса, соли и сахара, обваливают в смеси дробленого кориандра со всякими прочими специями. А потом развешивают заготовки в тени, на ветерке. Дальше уж каждый хозяин поступает по-своему. Кто-то только подвяливает мясо до пластичной гибкости, так, чтоб нетрудно было потом резать и жевать, а кто-то предпочитает держать, пока не пересохнет до звонкого деревянного стука.

Мы рассказываемся по местам в нашем жестяном ящике на колесах, каждый выбирает себе из пакета по куску билтонга и засовывает, как полагается, за щеку. По Намибии полагается путешествовать так: настоящему буру не положено садиться на мула или за руль его заслуженного старого лендровера без куса хорошего билтонга в зубах, если он собирается намотать очередную сотню километров, поспатривая, как чувствуют себя его коровы в буше, поправляя, где надо, изгородь, прочищая желоба в автоматических поилках, куда качают воду из глубоких скважин старые железные ветряки, проверяя, не попался ли опять койот вон в ту дальнюю ловушку.

Нам тоже хочется чувствовать себя настоящими бурами. Мы залетели, а потом заехали для этого страшно далеко. Так далеко, как только можно выдумать. Мы едем через буш из Виндхука в Этошу, чуть севернее тропика Козерога, на другом конце земли, и слушаем бесконечную беззловонную перебранку мужчи-

наре. И костер по вечерам нам будут разводить из сухих ветвей священного дерева мопане, излечивающего сразу от всех болезней. Это очень далеко. Очень далеко. Очень далеко. Невозможно представить себе, что где-то, на другом конце света, по-прежнему существует оставленный и забытый нами на две недели наш прежний мир.

Мы слушаем, как гереро, мерно жуя остро наперченный ремешок билтонга, сверлит мозги безответному приятелю овамбо, глядя по сторонам и ничего, совершенно ничего не зная.

Весной 1904 года, за более чем 100 лет до нашего появления тут, пехотный генерал Лотар фон Трота, только что назначенный губернатором Германской Юго-Западной Африки, провозгласил новые принципы европейской цивилизационной политики в этих местах, которые Господь оставил своим попечением: «Новое будущее может прийти только после очищения. Пусть потоки денег и, если нужно, потоки крови захлестнут эту землю». Затем он констатировал, что наблюдения за народом гереро свидетельствуют, что «большинство их женщин и детей серьезно больны, так что представляют опасность для немецких войск, и прокормить их также не представляется возможным». Далее он организовал при помощи хорошо вооруженных частей колониальной армии шютцгруппе систематическое истребление гереро — в особенности мужчин, вплоть до новорожденных младенцев мужского пола, — так что к исходу года из 80 тысяч представителей этого народа в живых осталось меньше пятнадцати.

Народ овамбо сопротивления колонизаторам не оказывал и истреблен не был. Уцелевшим гереро предложили добровольно уйти на голодную смерть в бесплодную сушь Калахари или собраться в концентрационных лагерях на краю пустыни. Три года спустя в этих лагерях, а также в специально организованной близ города Рехобот колонии для «бастеров» — так называли детей, произошедших от связи белых колонистов и солдат с женщинами-гереро, — появился молодой антрополог и анатом из Фрайбургского университета по имени Ойген Фишер. Результаты анализа собранного им генетического материала удалось обобщить и осмыслить накануне Первой

мировой войны в книге «Рехоботские полукровки и проблема смешанных браков между европейцами и готтентотскими женщинами». Труд имел колоссальный успех и был признан заложившим научные основы новой антропологической дисциплины — евгеники. Принципы

ее были развиты и обобщены в серии статей, вышедших 10 лет спустя в сборнике «Генетика человека и расовая гигиена». Весной 1924-го чтению этого сборника с большим воодушевлением посвятил значительную часть своего досуга тридцатипятилетний Адольф Гитлер, отбывавший свое тюремное наказание в баварской тюрьме Ландсберг.

Ничего этого никто из нас не знал, и ни о чем таком никто из нас не думал в эти первые часы нашего наслаждения побегом на край земли. Никто из нас не был настроен портить себе настроение размышлениями о том, как именно все со всем связано и почему именно никому ни от чего убежать никогда невозможно.

ЭТО ОЧЕНЬ ДАЛЕКО. ОЧЕНЬ ДАЛЕКО. ОЧЕНЬ ДАЛЕКО. НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, ЧТО ГДЕ-ТО, НА ДРУГОМ КОНЦЕ СВЕТА, ПО-ПРЕЖНЕМУ СУЩЕСТВУЕТ ОСТАВЛЕННЫЙ И ЗАБЫТЫЙ НАМИ НА ДВЕ НЕДЕЛИ НАШ ПРЕЖНИЙ МИР

ны гереро с мужчиной овамбо. Нам предстоит увидеть вечный соляной ковчег зверей и птиц. Нам обещают восхождение на самую высокую в мире песчаную дюну. В нашем маршруте значится стоянка древнего человека у Твифелфонтейн, где на гладких базальтовых скалах можно разглядеть акулу, тюленя и пингвина, нарисованных неизвестно кем в раскаленной пустыне за сто тысяч лет до того, как Пифагор начертил схему своей теоремы. Мы собираемся погулять в лесу, который сторел полмиллиона лет назад, но с тех пор так и стоит, окаменев, на дне высохшего озера Соссусвлей. Мы намерены встретить восход, паря над пустыней Калахари на воздушном